

Валерий

Мартиненко

И ВОЗВРАЩАЕТСЯ ВЕТЕР

* * *

Евгению Витковскому

Будет ли время остановиться
и оглянуться
У поворота на остров детства,
хоть на минуту?
Там еще лето в полном разгаре,
рожь колосится,
И хороводы водят березки
в платьях из ситца.
Это запомнил и отпечатал,
как на бумаге,
Там была воля, там была мама,
красные флаги.
Были шары там, песни там были,
пелись народом.
Все смолотила до основанья
волчья порода.
Что не пропало – слышится где-то
тихим аккордом,
Переходя от молитвы у Спаса
в звон колокольный.
Остановиться и оглянуться
времени нету.
Палые листья ветер уносит
в грустную Лету.
Но возвратится на свои круги
ветер из странствий,
К берегу детства мой подгоняя
легкий кораблик.

Снится мне речка, ивовый берег,
мальчик вихрастый,
И набегают слезы невольно –
не было раньше.
Так остается доброю сказкой в нас
наше лето, –
Боже, спасибо даже за это,
даже за это, –
И повторится в ком-то и в чем-то,
в мыслях и в речи
«Снеги да вьюги, ветер на круги,
вечность до встречи».

БОЛЬ

Памяти дочери Людмилы

У каждого на свете боль своя,
Но чья больнее, –
Кто об этом скажет?..

Исхак Машибаи

Память свою растревожу,
Разворошу, как бутон.
К горю чужому не может
Быть равнодушным никто.
В горле стоит слезным комом
Невыносимая боль...
Двор у кирпичного дома.
Вечер. Игра в волейбол.
Радостно бегают дети
За улетевшим мячом.

Самым счастливым на свете
 Был я в тот вечер отцом.
 В платьице зеленоватом
 И среди всех мал мала,
 Мяч только мне отдавала
 Дочь моя, люду мила.
 Дом словно перевернули,
 И закопали живьем...
 В горестно-черном июле
 Мы схоронили ее...
 Просто как это, ужасно,
 Бесчеловечно звучит,
 Что повторить даже страшно:
 «Не доглядели врачи»...
 Память кричит, из-под кожи
 Лезет большее и злей.
 Горя чужого не может
 Быть на несчастной Земле.
 Боль эта не отпускает,
 Тянет меня за собой...
 Больше никто не играет
 В нашем дворе в волейбол.

ДАР

Всякую люблю мастеровщину,
 Все там ладно, а не как-нибудь.
 Дед меня учил плести корзины
 Вдохновенно, как свою судьбу.
 Он, лозу перебирая ловко,
 Говорил певуче, горячо:
 Вот умру, а ты возьмешь кошелку,
 Да и вспомнишь обо мне, внучок.
 На стене часы большие с боем,
 Самовар пузатый на столе;
 На все это я смотрел с любовью,
 Через призму своих школьных лет.
 Ложки деревянные для деда
 Были подороже серебра.
 И мечтал я: в дом свой первым делом
 Накуплю такого же добра.
 Вспоминаю деда, его руки,
 Гладившие ивовую медь.
 Никогда они не знали скуки
 И всегда умели все уметь.
 Низовая вьюга завывает,
 Мой на прочность проверяя шаг.

Ни о чем в былом не забывая,
 О былом печалится душа.
 Как корзину, я судьбу сплетаю,
 Над строкою бьюсь, лучину жгу,
 Но любви божественную тайну
 Разгадать, хоть тресни – не могу.
 Все в моей квартире по старинке,
 Ложки есть, часы и самовар,
 А всего дороже: три корзинки –
 Память, мне оставленная в дар.

* * *

Скитаясь по снежным дорогам,
 Влетела в деревню метель,
 У нашего пела порога,
 Чтоб мы отворили ей дверь.

Потом и в трубе завывала,
 Но дым ей глаза заслезил,
 Всю ночь мне заснуть не давала,
 А утром я маму спросил:

«Метель – хорошо или плохо?»
 Огонь уже в печке погас.
 Ответила мама со вздохом:
 «Пугала в войну она нас».

Пять лет мне всего-то и было,
 И было мне не по себе...
 О маме впомин голосила
 Метель в нашей общей судьбе.

ЛИСТ КАЛИНЫ

Бело-бежевым цветом
 Нарядилась калина,
 Серебристые ветви
 Пораскинув у тына.

Ей к лицу очень утра
 Голубая косынка,
 Загляделся, как будто
 Все впервой и в новинку.

Как же не замечал я
 Красоты этой раньше,

Словно был не причастен
По беспечности крайней.

Я не вор, не разбойник,
Зла творить не умею,
За своею любовью
Я хожу, как Ромео.

За калитку под вечер
Выйдешь ты прогуляться,
На веселую речку
Поспешишь без оглядки.

И меня не заметишь
У калитки за тыном,
Я, как в сумерках месяц,
Молчаливо застыну.

Все слова растеряю,
Позабуду, как школьник,
Про себя повторяя:
«Что же это такое?»

В путь обратный, неблизкий
Напрямки я отправлюсь,
На груди лист калины
Унося, как награду.

* * *

Ветер в прибрежных уснул камышах,
В мареве скрылся,
Вечер же сделал последний свой шаг
И растворился.
В бархатном крепе
С веснушками звезд,
Шито до крыто,
Месяц повис, как изогнутый гвоздь,
Кем-то забытый.
На перекате чуть всхлипнет река,
Вспомнив о чем-то,
Может, о том, что была глубока
И обрученной
С бурным потоком, спустившимся с гор,
В соснах высоких
Только и были с ним счастливы год,
Грелись на солнце.

Встала плотина у них на пути,
Злая турбина,
И надо было простить и уйти,
Спрятав обиду.
Слушал я речки слезливый рассказ,
Сам чуть не плача.
Так же в природе все, как и у нас,
И не иначе.
Мы с тобой в жизни одною рекой
Были когда-то...
Звездная ночь.
Мой костер и покой, –
Тихо и свято
Долго горел мой костер и погас...
Звезды, как льдинки
Стаяли в пепел, как будто из глаз
Утра слезинки.

САПОГИ

Я – солдат, полюбил сапоги
И портянки впридачу к ним тоже.
Слышал: «Платье сновья береги».
Я берег братьев двух чернокожих.
Не ходил кто в них, – тот удивится,
Посмеется, осудит, поди:
«Полюбил сапоги, как девицу».
Им отвечу на их небылицу:
«Послужи, а тогда и суди».
Где они только ни были в деле,
Молодцом несли службу свою,
И всегда безупречно блестя
На осмотре в солдатском строю.
Жалко было смотреть на них, если
Каблуки разошлись вкривь и вкось,
Но скажу без обмана и лести,
Что с моими, тьфу-тьфу, – обошлось.

Дед мой с детства тачал сапоги,
Ходил в яловых, легких и нежных,
А когда постарел, сняв с ноги,
Их припрятал с мольбой и надеждой.
В Кенигсберге закончил войну
Мой отец в славной тридцатьчетверке,
А потом у сапог был в плену
До конца, лишь меня подковки.

Прятал письма я за голенище
 И стихи о любви, о тебе,
 Они в дикой отарской скучище
 Не давали душе огрубеть.
 Я, солдат, не считаю позором
 Сапогам класть нижайший поклон.
 В кладовой у меня ждут сезона
 Моих верных два друга кирзовых, —
 Как могу я их выбросить вон?

ПРИВАЛ

На привале танки отдохали,
 В яворах прохладною дыша,
 За холмом деревня с петухами,
 Добрая, как русская душа.
 Ветхие дворы с собачьим лаем
 И журавль колодезный вдали.
 Мы, шутя, по-братски, с ним поладив,
 В фляжках воду в роту принесли.
 Загалдели кружки, как подружки,
 И танкисты пили воду так,
 Словно чарку на хмельной пирушке,
 С искренним восторгом на устах.
 Не припомню, где еще такую
 Пил я воду из глубин земли,
 Звонкую, таинственно-святую.
 Мужики еще нам принесли
 С ребятнею этого нектара,
 Рассказали, что колодезь тот
 Рыть велел юродствующий старец, —
 То святой был на Руси народ.
 Чувствовали силу и величье,
 Пили и напиток не могли,
 Как живую заповедь, как притчу
 От родимой матушки-Земли.
 Долго с мужиками шла беседа.
 Ротный осмотрелся и сказал:
 «Братцы, ведь Великая Победа
 По полям шла этим и лесам».
 Замолчали как-то неохотно,
 Закурили, стали вспоминать.
 Фото пожелтевшие тихонько
 Вынесла старушка, чья-то мать.
 И представил я солдат-героев,
 Так же воду пивших из ведра,

Может быть, перед последним боем.
 А вокруг шумели явора.
 Набирались силы богатырской
 Из колодцев древних и святых...
 Незаметно вечер накатился
 С месяцем еще не золотым.
 На поверку вышла наша рота
 К обелиску шагом строевым,
 Три ракеты красные до срока
 Озарили сумрачную высь.

СТИХИ ОБ ОТЦЕ

Не пошел я в пехоту —
 Стать танкистом хотел,
 Как отец мой, с расчетом
 Быть венцом его дел,

Продолженьем достойным
 Его ратной судьбы.
 Был он пахарь и воин.
 Не могу позабыть

Его сильные руки,
 Волевое лицо;
 И за все его муки
 Я гордился отцом.

Жизнь лопачу, не горбясь.
 Словно боль, словно боль
 Я несу эту гордость
 По дорогам судьбы.

Не пошел я в пехоту —
 Я танкистом служил,
 Чтоб он мною... да что там...
 Но отец не дожил.

* * *

Паровозный гудок на прощание,
 И слеза у нее по щеке.
 Обещал: «Я вернусь». Обещанья
 Не сдержал. Как в полете, в прыжке

Его пуля настигла под Псковом,
 Обагрила снег юная кровь.

Мать-Земля,
Только ты знаешь, скольких
Не спасла и спасала Любовь.

Еще память стоит над планетой
Обелисками, как часовой,
Говоря молчаливо: «Об этом
Не забудьте никто, кто живой».

* * *

Поползла змеей дорога
То на гору, то с горы.
Как и в детстве, босоного
Поспешаю во всю прыть

Повидаться с нашей хатой
И с погостом за селом;
Как без этого солдату
На войну идти со злом.

Вспоминал отец мой горько
Все, что было с ним тогда.
Как на всех одна махорка,
Так на всех одна беда.

Он смеялся очень редко,
Я уверен, потому,
Что горел в своей танкетке,
Весь в крови и весь в дыму,

От ранений, от контузий,
Что терял друзей своих,
И не точку – запятую
Надо ставить в судьбах их.

Я отцову горечь эту
В День Победы пью до дна,
Как солдат, а дна все нету...
И кого призвать к ответу,
Что не кончилась война?

В январе 2020 года отмечают:

80-летие

Сабит ДОСАНОВ, *прозаик*
Жарылкасын НУСКАБАЙУЛЫ, *прозаик, переводчик*

70-летие

Толеген ЖАНГАЛИЕВ, *прозаик*
Айтбай ТАСИЛОВ, *сатирик*
Ермекбай ХАСЕНОВ, *прозаик*
Нургали КАДЫРБАЕВ, *прозаик*
Зиноп-Габден БИСЕНГАЛИ, *критик*
Намазалы ОМАСШЕВ, *критик, литературовед*

60-летие

Баян БЕКЕТОВА, *поэт*
Болат БОПАЙУЛЫ, *прозаик*

50-летие

Гулимай КУАНЬШОВА, *поэт*

Редакция журнала «Простор» сердечно поздравляет юбиляров!

